

**БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ**

А. И. Абалян

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья представляет собой обзор основных направлений политики РФ на Ближнем Востоке в период с 1991 г. до настоящего времени. Выделяются этапы, в рамках которых происходили трансформации парадигмы ближневосточного внешнеполитического курса, и соответственно изменение роли России на региональной арене. Рассматриваются различные внутри- и внешнеполитические факторы, обусловившие утрату влияния России в странах региона в 1990-е — начале 2000-х гг., но с изменением геополитических реалий потерявшие свою значимость и позволившие с середины 2000-х гг. начать процесс восстановления связей России с традиционными ближневосточными партнерами одновременно с разработкой новых направлений сотрудничества, в частности, с Израилем и монархиями Персидского залива. В статье также выявляются стратегические приоритеты, влияющие на характер взаимоотношений России с такими ключевыми странами региона как Иран и Турция, и определяющие динамику их развития. Особое внимание уделяется сравнительному анализу и оценке геополитических последствий политики «активного нейтралитета» на начальных этапах «арабской весны», которая привела к ослаблению двусторонних отношений со странами Ближнего Востока и Северной Африки и российских позиций в регионе в целом, и стратегии вооруженного вмешательства России в рамках текущего сирийского кризиса. В заключении делается вывод о необходимости дальнейшего развития и диверсификации контактов со странами ближневосточного региона при формировании российского внешнеполитического курса в связи с новыми тенденциями на мировой политической и экономической арене.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, *арабская весна*, сирийский кризис, ядерная проблема Ирана, Турция, Израиль.

Современный Ближний Восток с его постоянно возрастающей геостратегической и геоэкономической значимостью играет важнейшую роль в современной системе международных отношений. Обладая рядом специфических и уникальных черт, в целом субрегионы Ближнего Востока имеют преимущественно общие для большинства из них социальные и политические проблемы, обусловленные схожим историческим, религиозным и цивилизационным наследием и составляющие основную часть «беспокойного мира ислама» (З. Бжезинский). Международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), «цветные революции», гражданские войны, межгосу-

дарственные и межконфессиональные вооруженные конфликты, рост влияния радикальных религиозных групп, наркоторговля превращают ближневосточный регион в «дугу нестабильности» на мировой арене и постоянный источник угроз международной безопасности. Кроме широкого спектра внутренних конфликтогенных факторов, дестабилизирующее влияние оказывает и продолжающееся иностранное вмешательство ведущих мировых акторов в региональные политические процессы, проявляющееся на определенных этапах в поддержке коррумпированных и авторитарных ближневосточных режимов, «перекачке вооружений», а в случае стратегической и экономической необходимости — прямой или опосредованной военной интервенции, проведении операций по свержению и замене режимов (иракская война 2003 г., военная операция НАТО в Ливии 2011 г.).

Ближневосточный регион с начала 90-х годов XX века нельзя было отнести к числу приоритетных направлений во внешней политике Российской Федерации, что стало своего рода разрывом с традицией, сложившейся еще в имперскую эпоху и закрепившейся в советский период. Уже к началу Первой мировой войны Российская империя имела стабильную систему консульских представительств в крупнейших городах азиатской части арабского мира и в Египте, хотя вне рамок наших интересов оставались Аравийский полуостров и страны Магриба. Советский Союз также последовательно расширял сферу своего политического присутствия в регионе вплоть до 1980-х гг. Периодом особенных успехов СССР в регионе можно назвать 1950-1960-е гг., когда Советский Союз в определенном смысле был приглашен националистическими режимами, имевшими социалистический уклон, в Египет, Сирию, Ирак, Южный Йемен, Ливию и Алжир. Политика СССР представляла собой смесь мессианской идеи торжества социализма в мире и установок прагматического характера как крупного субъекта международных отношений, направленных на подрыв влияния западных блоков в регионе. В экономическом плане Москва также оказывала заметное влияние на государства Ближнего Востока, внося большой вклад в развитие энергетики, металлургии и нефтегазовой промышленности в регионе. Среди основных национальных предприятий, построенных при поддержке СССР или обслуживающихся советскими специалистами, можно выделить металлургический комбинат в Хелуане, Высотную Асуанскую плотину, Евфратский гидроузел, верфи в Александрии, газопровод Насирия — Багдад, нефтедобывающие предприятия «Северная Румейла», «Западная Курна» и т. д. Кроме того, Советский Союз был одним из крупнейших поставщиков вооружений в такие страны региона, как Египет, Сирия, Ирак и т. д. Военно-техническое сотрудничество велось также с Ираном, несмотря на очевидную прозападную ориентацию шахского режима. До исламской революции 1978-1979 гг. с советским участием в стране было сооружено более 60 крупных объектов. Среди них — Исфаганский металлургический комбинат, машиностроительный завод в Араке, тепловые электростанции «Рамин» и «Шахид Монтазери», ГЭС на реке Аракс и другие [Современные российско-иранские отношения, 2014, с. 19].

Однако в дальнейшем военная конфронтация с США, «гонка вооружений» и неэффективная модель государственного планирования привели к разруше-

нию советской экономики; неудачи же в социально-политической и экономической сфере арабских стран, использовавших советскую систему, дискредитировали и саму модель, и ее авторов. «К концу XX века “арабский социализм” сохранился, пожалуй, да и то в препарированном виде, только в одной стране — Ливии. Однако провозглашение и шаги по осуществлению “арабского социализма” — это немаловажный этап в истории арабских стран» [Примаков, 2006, с. 20]. Поворотным моментом в ближневосточной политике СССР стал ввод советских войск в Афганистан под лозунгом «интернациональной помощи». Правящие круги и особенно общественность большинства арабских стран («арабская улица») восприняли этот шаг как объявление войны исламу, что неизбежно подорвало основы советского влияния на всем Ближнем и Среднем Востоке. И, вероятно, в еще большей степени позиции Москвы в регионе были ослаблены в результате поддержки курса США и антииракской коалиции во время кризиса в Персидском заливе в 1990–1991 годах. Следует отметить, что для СССР ирако-кувейтский кризис стал своего рода испытанием на политическую и нравственную зрелость, на готовность руководствоваться нормами международного права, а не идеологическими установками на мировой арене. С другой стороны, позиция советского руководства обуславливалась рамками «нового мышления», где приоритетное значение придавалось укреплению отношений с западными странами, в особенности США. В экономическом плане результаты Войны в заливе оказались парадоксально выгодными для Москвы, несмотря на прекращение российско-иракских торговых и военно-технических связей и замораживания выплат по иракским кредитам. Вызванный кризисом резкий взлет цен на нефть принес нашей стране значительные дополнительные финансовые поступления, существенно превышавшие на тот момент потери от свертывания сотрудничества с Ираком. В стратегическом же отношении кризис в Персидском заливе явился серьезным ударом по долгосрочным интересам России в регионе, так как за исключением Ирака, бассейн Персидского залива в целом находился на периферии ближневосточной советской политики. Для нефтедобывающих государств Аравии СССР не подходил ни в качестве экономического партнера, так как не мог на одинаковом уровне с Западом удовлетворять их потребности, ни, что еще более важно, в качестве политического союзника — из-за несовместимости идеологии традиционных монархий Персидского залива и политических установок Москвы¹.

Таким образом, к моменту распада СССР некогда сильные позиции в ближневосточном регионе были, фактически утрачены, и в последующие годы Россия, по сути, двигалась в фарватере американской политики. Оставаясь ко-спонсором арабо-израильского мирного процесса и являясь членом «квартета» посредников, занимающихся вопросами ближневосточного урегулирования, Россия в последующее десятилетие не выдвигала самостоятельных инициатив и в целом не проявляла интереса к восстановлению утраченного влияния в регионе. Помимо трудностей экономического и социально-политического харак-

¹ Дипломатические контакты с монархиями Персидского залива были установлены лишь во второй половине 1980-х гг.

тера, с чем во многом связано изменение международного статуса Российской Федерации, следует выделить ряд более субъективных, и, может быть, не столь очевидных факторов, влияющих на ослабление российской ближневосточной политики.

Во-первых, такие явления на внутригосударственном уровне как чеченский сепаратизм и ваххабитское движение, получившие широкое распространение в мусульманской среде России, в особенности на территории кавказских республик Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, рассматривались многими россиянами как одно из проявлений исламского фундаментализма и экстремизма и, соответственно, вызывали настороженность, если не враждебность, в отношении всего исламского мира. С другой стороны, несмотря на то что чеченский конфликт не носил характера межрелигиозной конфронтации, в некоторых слоях арабского населения он представлялся новым витком борьбы против ислама.

Во-вторых, в определенной мере усилению напряженности между Россией и арабским миром в целом способствовали исламофобские настроения части российского истеблишмента, опасавшегося влияния мусульманских стран на развитие идей исламизма на территории постсоветских государств. Стремление ряда арабских стран сыграть активную роль в духовной и идейно-политической жизни мусульманской общины в постсоветской России зачастую противоречили динамике развития общественно-политической ситуации в нашей стране, накладывались на сложное переплетение интересов внутри самого российского общества [Поляков, 2014, с. 143].

В-третьих, проблемы и противоречия в российско-арабских отношениях усугублялись конъюнктурной политикой средств массовой информации. Если для советского периода был характерен антиизраильский, антиссионистский стереотип пропаганды, то во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. проявилась обратная тенденция — в абсолютном большинстве СМИ стали превалять симпатии к Израилю. Воздействие же проарабски, промусульмански настроенных граждан России находило минимальное отражение, что не могло не учитываться при формировании государственного внешнеполитического курса. Кроме того, существенный недостаток знаний и информации о положении дел и интересах потенциальных партнеров на Ближнем Востоке осложняли восстановление взаимоотношений России и арабских государств, позволяя элитам и ангажированными СМИ манипулировать общественным мнением.

В-четвертых, кризисные явления в российской экономике, обуславливавшие зависимость от западных источников финансирования, и ориентация на западные институциональные структуры в процессе демократизации российского общества, а также значительное ослабление военной мощи, вынуждали Москву в своей внешнеполитической деятельности руководствоваться императивами сохранения отношений с западными странами, в особенности с США, и их стратегическими задачами, а не собственными национальными интересами.

Смена государственной парадигмы атлантизма на более многовекторный внешнеполитический курс во второй половине 1990-х гг. была связана с деятельностью Е. М. Примакова сначала на посту министра иностранных дел и поз-

же — председателя правительства Российской Федерации, и была продолжена с приходом к власти президента В. В. Путина. Однако попытки восстановления утраченных геополитических позиций на мировой арене достаточно ограничено затронули регион Большого Ближнего Востока. Частичное восстановление внешнеполитических связей в конце 1990-х — начале 2000-х гг. имело место лишь в иранском, иракском, и турецком направлениях.

Уникальное геополитическое положение Ирана, являющегося одновременно ближневосточным (в рамках ББВ), кавказским, центральноазиатским и прикаспийским государством, обуславливало важность партнерских отношений с Тегераном для обеспечения стратегических интересов РФ прежде всего на постсоветском пространстве. Кроме того, сближение России и Ирана после длительного перерыва, связанного с победой исламской революции в Иране, во многом было вынужденным и было продиктовано последовательно ужесточившимся режимом международных санкций, распространявшихся на военно-техническую, торговую и банковскую сферы Ирана. Развитие сотрудничества Москвы и Тегерана в таких стратегически значимых секторах, как нефтегазовая отрасль, ядерная энергетика (строительство АЭС в Бушере), оборонная промышленность, подкреплялось также наличием общих геополитических интересов в регионе — в первую очередь на Кавказе и в странах Центральной Азии — и вопросов совместного использования ресурсов Каспийского моря. Еще одним объединяющим фактором служило сформировавшееся под влиянием вооруженных конфликтов в Чечне крайне негативное отношение российского истеблишмента к радикальному суннитскому исламизму, в чем Россия нашла единомышленника в лице Ирана [Белокреницкий, 2010, с. 251–252]. Значительное влияние на активизацию российско-иранских отношений в конце 1990-х-начале 2000-х гг. оказала также иранская внешнеполитическая концепция «диалога между цивилизациями», предложенная президентом ИРИ С. М. Хатами, созвучная российской концепции «многополярного мира». Во многом рубежом стал официальный визит С. М. Хатами в Москву в марте 2001 г., в ходе которого был подписан ряд двусторонних документов, в том числе Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ. Отчасти импульсом к дальнейшему сближению послужило причисление Ирана администрацией Дж. Буша в начале 2002 г. к государствам «оси зла», наряду с Ираком и Северной Кореей [Milton-Edwards, 2011, p. 287]. По проблеме Ирака, начиная с 1997 г., Москва совместно с Францией и Китаем через механизмы Совета Безопасности ООН проводила активную политику, направленную на отмену режима санкций, установленных в ходе кризиса в Персидском заливе, и прекращение военного вмешательства со стороны США и Великобритании. Российское руководство и большинство арабских режимов выступали за возвращение Ирака в мировую политическую и экономическую систему, необходимое для стабилизации региональных международных отношений. Однозначно негативную позицию Россия заняла и в отношении американского военного вторжения в Ирак в марте-апреле 2003 г., официально провозглашаемые причины которой — разработка оружия массового поражения и сотрудничество руководства Багдада с организацией «Аль-Каида» в подготовке террористических

актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне — не выдерживали серьезной критики. Свержение правящего иракского режима и фактическая оккупация страны свели на нет все дипломатические усилия России и одновременно перспективы полномасштабного восстановления российско-иракских связей.

Динамика российско-турецких отношений носила достаточно неравномерный характер. После распада Советского Союза Анкара проводила активную политику в Центральной Азии и Азербайджане, используя факторы этнической и конфессиональной близости для укрепления своего регионального влияния на пантюркистской основе. «Такое положение дел приводило к геополитической конкуренции и напряженности в российско-турецких отношениях, учитывая исторически обусловленное сильное военно-политическое и экономическое влияние России в новых независимых государствах и то, что во внешнеполитической концепции и в военной доктрине 1993 г. отмечалось, что на территории бывшего СССР существуют жизненно важные интересы для России» [Бдоян, 2017, с. 169]. Однако в конце 1990-х гг. при сохранении политических разногласий экономические трудности в Турции и, напротив, укрепление потенциала РФ обусловили сближение двух стран в энергетической и экономической сферах, а также вопросах противодействия терроризму (связанные с чеченским конфликтом в России и борьбой с Рабочей Партии Курдистана в Турции). Наиболее значимым совместным проектом стало строительство газового трубопровода по дну Черного моря, получившего название «Голубой поток», введенного в эксплуатацию в 2003 г. и сделавшего Турцию одним из крупнейших импортеров российского природного газа.

Начиная с 2005–2006 гг. можно говорить об активизации дипломатических усилий Российской Федерации по укреплению отношений со странами мусульманского мира в целом и Большого Ближнего Востока в частности. В декабре 2005 г. российская делегация на внеочередном саммите Организации Исламская Конференция (ОИК)² в Мекке впервые выступила в качестве наблюдателя, что дало новый импульс в отношениях с мусульманскими государствами, как на двусторонней, так и на многосторонней основе [Фазельянов, 2013, с. 187]. Значительное развитие получил и ближневосточный вектор внешней политики России, вследствие состоявшихся в этот период визитов президента В. В. Путина в ключевые страны региона: Египет, Израиль, Палестину, Алжир, Саудовскую Аравию, Катар, Иорданию. В целом, количество и география встреч и переговоров на высшем уровне с очевидностью демонстрировала, что Россия намеревалась вернуть себе функции активного игрока на ближневосточной арене. При этом спектр внешнеполитических связей включал в себя широкий круг государств Большого Ближнего Востока.

«Возвращение» России на Ближний Восток произошло в контексте очередного витка эскалации напряженности в регионе в ходе второй войны в Ливане 2006 г. Это представляется достаточно закономерным, так как арабо-израильский конфликт продолжает оставаться главным вопросом в перспекти-

² В июне 2011 г. ОИК была переименована в Организацию Исламского Сотрудничества (ОИС).

ве восстановления полномасштабных отношений с арабскими странами и Израилем, и от того, в какой мере Россия будет участвовать в мирном процессе на Ближнем Востоке, во многом зависит будущее нашей политики в регионе. С начала 1990-х гг. на фоне активной политики США, стран Европейского союза и арабских государств, направленной на смягчение противостояния, действия Москвы выглядели скорее декларативными. Россия лишь поддерживала чужие планы и инициативы, сводя свою роль в мирном процессе к тому, что как постоянный член Совета безопасности ООН, выражала готовность гарантировать соблюдение международной законности и обеспечения прав всех участников конфликта. В ходе ливанского конфликта 2006 г. российское руководство продемонстрировало стремление к восстановлению своих позиций в качестве одного из влиятельных внешних игроков в регионе. Полномасштабное участие РФ в урегулировании арабо-израильских противоречий призвано было также подтвердить укрепление международного статуса страны, в особенности в рамках проходившего в это время в Санкт-Петербурге саммита «Большой восьмерки». Уникальность положения России на тот момент заключалась в возможности реализовывать «политику беспристрастности» в отношении обеих сторон, участвовавших в конфронтации, — Израиля и «Хезболлы», рассматриваемого Москвой в качестве представителя шиитского населения Ливана. Достаточно закономерными представлялись активные контакты российской стороны с представителями Палестины. В этом отношении администрация В. Путина продолжала традиции советской эпохи, а также политики президентства Б. Ельцина, когда при всей пассивности российского ближневосточного курса поддержка палестинской администрации не прекращалась. При этом РФ являлась единственным влиятельным международным актором, не включавшим в список террористических организаций ХАМАС и «Хезболлу», сохраняя тем самым возможности диалога со всеми негосударственными арабскими акторами. В январе 2006 г. Россия стала первой немусульманской страной, признавшей лидеров ХАМАС в качестве нового законно избранного руководства Палестины. Развитие же партнерских отношений с Израилем — единственной страной, с которой СССР дважды за несколько десятилетий разрывал дипломатические отношения, восстановленные лишь в 1991 г. — стало абсолютным нововведением периода президентства В. В. Путина. Состоявшийся в 2005 г. официальный визит президента России в Израиль, первый за все годы существования еврейского государства, свидетельствовал об избавлении российского руководства от идеологической компоненты в своей региональной политике, позволяя претендовать на роль активного участника ближневосточного мирного процесса.

Однако, несмотря на дипломатические усилия РФ, заключавшиеся в многочисленных контактах с представителями политического истеблишмента стран Ближнего Востока и в выдвижении миротворческих инициатив в рамках Совета безопасности ООН, посредническая миссия Москвы не оказала заметного влияния на процесс урегулирования ливанского кризиса, по итогам которого был принят франко-американский проект резолюции. Связано это было во многом с отсутствием поддержки действий России как со стороны западных стран, заинтересованных в сохранении собственных стратегических позиций на Ближ-

нем Востоке, так и ключевых региональных партнеров Москвы — ИРИ и Сирии, «адвокатом» которых выступала администрация Путина, категорически отвергая их причастность к террористическим действиям «Хезболлы», положившим начало второй ливанской войне 2006 г. [Примаков, 2006, с. 370–371]. Кроме того, миротворческая деятельность России в рамках кризиса была отчасти подорвана получившим широкий резонанс фактом снабжения Дамаском боевиков «Хезболлы» российским вооружением, что представляло прямую угрозу безопасности Израиля.

Проблема военно-технического сотрудничества России с Сирией и, в особенности, с Ираном, чьим основным стратегическим и идеологическим противником в регионе является Израиль, оставалась фактором, очевидно негативно сказывающимся на развитии российско-израильских взаимоотношений. При этом позиция России состояла именно в противодействии развитию Ираном ядерных военных технологий, что полностью соответствует и израильскому подходу. Для снижения остроты «ядерной проблемы» Ирана важной инициативой России в 2006 г. стало предложение о создании на территории третьих стран центров по обогащению урана, предназначенного для мирного использования под контролем МАГАТЭ, чтобы снять подозрения в попытках Ирана создать собственное ядерное оружие. Данный проект был направлен на недопущение силового решения конфликта между Ираном и мировым сообществом, что, без сомнения, привело бы к дестабилизации региональной системы международных отношений и росту террористической активности на ББВ, т. е. повторением развития «иракского сценария». С этой же целью Москва последовательно выступала против ужесточения режима международных санкций на уровне Совета безопасности ООН, полагая, что они неэффективны и ведут лишь к радикализации иранского режима, представляя угрозу национальной безопасности не только Израиля, но и других стран региона Большого Ближнего Востока. Тем не менее, в условиях усиливающейся конфронтации в апреле 2010 г. Россия совместно с Китаем выступила за введение новых санкций против ИРИ с целью не допустить ее превращения в ядерное государство.

Несмотря на ряд сохраняющихся расхождений в вопросах региональной безопасности, более сбалансированный внешнеполитический курс России в сфере палестино-израильского урегулирования, продемонстрированный в ходе ливанского кризиса 2006 г., способствовал очевидному сближению позиций Москвы и Иерусалима, как в политической, так и в гуманитарной сферах. Немаловажную роль в этом процессе играло также количество иммигрантов из бывшего СССР (миллион человек — это около 20% населения Израиля) — естественный экономический и культурный мост между странами — а также рост влияния русскоязычной общины в политической жизни Израиля. Своего рода символом успешной интеграции уроженцев СССР в высшие эшелоны власти еврейского государства может служить бывший министр иностранных дел А. Либерман, возглавляющий одну из наиболее многочисленных партий в кнессете — русскоязычную — «Наш дом Израиль». К числу потомков репатриантов из СССР принадлежит и премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. Соглашение об отмене визового режима для граждан России и Израиля, всту-

пившее в силу в сентябре 2008 г., свидетельствовало, помимо необходимости развития туристической сферы, о явном укреплении российско-израильских связей на политическом уровне, особенно по сравнению с предыдущими периодами истории взаимоотношений. Возвращение под российскую юрисдикцию Сергиевского подворья в Иерусалиме, принадлежавшего Императорскому Православному Палестинскому Обществу, состоявшееся в том же году после длительного переговорного процесса, демонстрирует высокий уровень взаимного уважения к культурному и религиозному наследию обеих стран [см.: Эпштейн, Кожеуров, 2011, с. 136–142]. Конструктивно развивалось сотрудничество с Израилем в сфере тяжелой промышленности, авиации, энергетики, здравоохранения, информационных технологий, хотя приоритетным направлением, очевидно, является борьба с международным терроризмом. Эксперты российских служб разведки активно контактировали со своими израильскими коллегами, перенимая их богатый опыт антитеррористических операций.

Не менее важным представляется разработка еще одного нового направления российской ближневосточной политики — установления внешнеполитических связей с монархиями зоны Персидского залива. Визит президента В. В. Путина в феврале 2007 г. в Саудовскую Аравию, Иорданию и Катар (первый в истории России) и состоявшиеся там переговоры продемонстрировали кардинальные изменения в развитии двусторонних отношений со странами этого региона. Был подписан ряд документов, касающихся укрепления договорно-правовой базы сотрудничества и реализации конкретных проектов в области высоких технологий, авиации и космоса, включая контракты на поставку вооружений, в том числе мирного ядерного реактора. Тот факт, что Россия стала активно развивать сотрудничество с традиционными арабскими монархиями, которые исторически были американскими союзниками и практически не имели отношений ни с СССР, ни с Россией, был воспринят на Западе как попытки России вытеснить США и европейские страны из региона и занять место альтернативной сверхдержавы, используя продажу оружия для привлечения союзников и расширения собственного влияния. Поводом для подобных опасений послужило острое выступление В. В. Путина на мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г., в котором он резко дистанцировался от действий американской администрации по демократизации Ближнего Востока. В действительности основной задачей внешнеполитической деятельности России во второй половине 2000-х гг. стала диверсификация круга региональных партнеров, включая влиятельных неправительственных акторов, вместо опоры на несколько ключевых стран, что было характерно для ближневосточной политики советского периода.

Таким образом, накануне революционной волны 2011–2012 гг. в государствах Большого Ближнего Востока, получившей название «арабской весны», России удалось существенно укрепить свои позиции на региональной арене. Москва установила экономическое и военное сотрудничество не только с бывшими «клиентами» времен СССР, такими как Сирийская республика, но также и с новыми партнерами, такими как Израиль, Иордания, Иран, Турция и Саудовская Аравия. Однако в ходе «арабской весны» целый ряд факторов обусловил

избранную российским руководством политику т. н. «активного нейтралитета», которая в итоге привела вновь к ослаблению нашего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке, продолжающегося вплоть до интернационализации сирийского кризиса в 2015 г. Ряд западных аналитиков отмечают, что пассивность Москвы в контексте «арабской весны» была связана с опасениями российского руководства в отношении возможности развития подобного сценария и в России. Проводя аналогии между существующим политическим режимом и ресурснозависимой экономикой РФ и стран постсоветского пространства и арабскими государствами, охваченными революционными событиями, исследователи указывали на схожие социально-экономические условия, а главное, политические ограничения, которые могли способствовать дестабилизации обстановки в российских реалиях. В качестве подтверждения данной точки зрения обычно приводились примеры постоянных апелляций российской элиты к западному вмешательству в рамках «арабской весны», вместо поиска имманентных процессов в региональном дискурсе. С теми же опасениями связывали и жесткую реакцию российских властей на протестные выступления в Москве и ряде других городов в западных СМИ, получивших названия «Снежная революция», «русская зима» и т. д., видя в ней своеобразный аналог революционным движениям на Ближнем Востоке.

Эта позиция представляется не вполне обоснованной, во-первых, в силу в действительности достаточно серьезно различающихся социально-экономических условий жизни в России, особенно, в таких крупных мегаполисах, как Москва, и в ближневосточных государствах, затронутых событиями «арабской весны»; во-вторых, различной социальной базой протестных выступлений; в-третьих, различными факторами депривации, провоцировавшими волнения. Кроме того, феномен массовых протестов является достаточно новым в ближневосточных обществах, в отличие от российского опыта, и, не имея традиций в арабской истории, позволяет предполагать наличие определенного влияния внешних акторов, в частности, путем внедрения новых технологий развития социальных сетей («Facebook», «Twitter» и т. д.).

Говоря о внутривнутриполитических факторах, оказавших влияние на формирование ближневосточного курса политики РФ, можно скорее предположить, что в целом негативное отношение властных элит к событиям «арабской весны» может служить развитием известной концепции «суверенной демократии», сформулированной В. Сурковым в середине 2000-х гг., в качестве реакции на «цветные революции» в постсоветских государствах, в рамках которой отрицались либеральные плюралистические модели демократии, предполагающих деление граждан на конкурирующие фракционные группы. События «арабской весны» с точки зрения этой концепции лишь подтверждали, что являясь релевантными для развитых пост-индустриальных стран Запада, эти модели характеризуются социальной конфликтогенностью и чреваты угрозами территориальной целостности таких стран, как Россия и ближневосточные государства с их традиционной политической культурой.

На внешнеполитической арене наиболее очевидным фактором выступает сохраняющаяся ограниченность инструментов влияния, которая не позволила

внешнеполитическому ведомству РФ оперативно реагировать на быструю смену правящих элит на Ближнем Востоке и новый «баланс сил», установившийся в регионе. В ходе массовых протестов в ближневосточных государствах стремительно увеличилось влияние «арабской улицы», получившей возможность навязывать свою волю политическим лидерам. Спецификой же российской региональной политики, особенно в исламском мире, являлась ориентация на существующие властные структуры, при фактически полном отсутствии контактов и с контрэлитами, и с отдельными группами внутри арабского общества, в отличие, например от США, обладающих широкой сетью лоббистских групп, продвигающих американские интересы в различных слоях арабского населения [Абалян, 2019, с. 484]. Кроме того, позиция России в отношении событий в арабских странах не всегда была последовательна и четко выражена, а официальная позиция МИДа часто расходилась с заявлениями официальных лиц, что вызывало серьезную критику, в особенности, в арабских СМИ [Сапронова, 2014, с. 34].

Во многом также позиция невмешательства была обусловлена отсутствием существенных стратегических или экономических интересов в ближневосточных государствах, охваченных «арабской весной», таких, как Тунис, Бахрейн и Йемен (за исключением соглашений с Тунисом и Йеменом в гидротехнической сфере). Кроме того, ООН как важнейший инструмент влияния России на международной арене, фактически не принимала участие в урегулировании ситуации в вышеперечисленных странах. Не столь очевидной представляется сдержанная реакция Москвы в ходе антиправительственных выступлений в Арабской Республике Египет (АРЕ), одной из сильнейших в политическом, экономическом и военном отношении региональных держав, влиятельного «центра силы» Большого Ближнего Востока, несмотря на полное восстановление с 2005 г. российско-египетского сотрудничества в политической и экономической областях, а также в сфере безопасности. Приход к власти в результате революционных событий «арабской весны» организации «Братья-мусульмане» был первоначально негативно воспринят российской стороной, во-первых, из-за поддержки, которую эта организация оказывала чеченским сепаратистам, а во-вторых, из опасений радикализации настроений мусульманского населения России под влиянием их идеологии. Однако признав итоги парламентских выборов, состоявшихся в ноябре 2011 г. — январе 2012 г., а также результаты президентских выборов, во втором туре которых в июне 2012 г. победил кандидат от «Братьев-мусульман» Мухаммад Мурси, Москва продемонстрировала готовность к политическому диалогу с умеренными исламистами.

В рамках ливийского кризиса позиция России представляется еще более парадоксальной. Экономические интересы РФ в Ливии были намного масштабнее, чем в большинстве стран региона. Отказавшись в 2008 г. от выплат по 4,6 млрд долларов долга Ливии, Москва получила возможность заключить контракты в нефтяной отрасли, строительстве высокоскоростной магистрали Бенгази-Сирт и поставок вооружений [Белокреницкий, 2010, с. 267]. Однако несмотря на то, что Ливия, наряду с Алжиром и Сирией, являлась важнейшим экспортером российских вооружений, Москва поддержала резолюцию СБ ООН

1970 (от 26 февраля 2011)³ о введении санкций против Ливии. Кроме того, выступая изначально против военной интервенции, РФ, вопреки традиционной политике поиска мирного дипломатического решения конфликтов, не использовала право вето, воздержавшись на голосовании по резолюции 1973 (от 17 марта 2011)⁴, учреждавшей зону запрета полетов для военной авиации над Ливией. Это решение не соответствовало в целом негативному отношению российского руководства к операциям по гуманитарному вмешательству, не говоря уже о том, что оно шло вразрез с экономическими интересами России в Ливии. Вероятно, позиция Москвы была обусловлена следующими причинами: отсутствием долгосрочных связей с ливийским лидером, угрозами со стороны полковника М. Каддафи и его сына в адрес населения Бенгази, гарантиями военного вмешательства со стороны ЛАГ и, в немалой степени, заинтересованностью в продолжении диалога с НАТО по вопросам противоракетной обороны в Европе и нежеланием обострять отношения с западными странами. Помимо этого, не участвуя непосредственно в реализации военной операции и не опасаясь критики со стороны государств региона, Москва сводила политические риски своей позиции к минимуму.

Однако впоследствии расширительная интерпретация резолюции 1973 и убийство Муаммара Каддафи были расценены российской стороной как нарушение процедуры и превышение установленных мандатом границ, а также как серьезную дипломатическую ошибку со своей стороны. Кроме того, став только 73-й страной, признавшей Национальный Переходный Совет Ливии, Москва не могла рассчитывать на предоставление приоритетных экономических и политических условий от новых властей. Таким образом, чересчур осторожная политика РФ, не соответствующая статусу крупного международного актора, привела к серьезному ослаблению ее позиций в Ливии и других государствах Северной Африки.

Во многом именно с тактическими просчетами в рамках ливийского кризиса была связана жесткая политика России по проблеме Сирии, в 2011-2012 гг. выражавшаяся в том числе в блокировании силовых резолюций в СБ ООН, возлагающих всю ответственность за кровопролитие в ходе гражданской войны на режим президента Б. аль-Асада. Опасения Москвы были связаны с возможностью использования предлагаемых резолюций для легитимизации иностранного вмешательства в сирийский конфликт. Однако внешнеполитическая активность российского руководства была обусловлена очевидными геополитическими, стратегическими и экономическими интересами в Сирии, воспринимаемой как последний опорный пункт России на арабском Ближнем Востоке. Влияние СССР распространилось в Сирии еще в 1950-е годы при президенте Шукри аль-Куатли, а с приходом к власти в 1970 г. Хафеза аль-Асада Дамаск стал последовательным советским союзником и одним из основных импорте-

³ Полный текст резолюции СБ ООН 1970 см.: URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/pdf_2011_02/20110927_110226-UNSCR-1970.pdf (дата обращения: 08.08.2019).

⁴ Полный текст резолюции СБ ООН 1973 см.: URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf (дата обращения: 08.08.2019).

ров вооружений в ближневосточном регионе. После распада СССР приостановленные из-за невыплаченных долгов Сирии поставки вооружения были частично возобновлены в 1998-1999 гг. и полной мере — в 2005 г., после визита президента Б. аль-Асада в Москву. Тогда была достигнута договоренность о списании 73% сирийского долга, (из общей суммы в 13,5 млрд долларов), в обмен на заключенные контракты с области энергетики и вооружений [Примаков, 2011, с. 9]. Таким образом, поддерживая режим Б. аль-Асада, российские власти сохраняли определенную преемственность традиционного советского политического курса, и в то же время стремились не допустить ряда негативных последствий для российских интересов, которыми была чревата победа оппозиции. К таковым можно отнести: 1) утрату крупнейшего рынка сбыта российской военной техники и вооружений; 2) ликвидацию единственной зарубежной российской военно-морской базы в Тартусе, позволяющей сохранять военное присутствие в Персидском заливе и выход в Средиземное море; 3) радикализацию внешнеполитического курса Сирии под влиянием исламистских группировок, что усилило бы давление на российский Северный Кавказ; 4) угрозу положению христианского меньшинства в Сирии в случае победы исламских радикалов, как это, например, происходило в Ираке после свержения режима Саддама Хусейна или в Египте после прихода к власти «Братьев-мусульман».

Отстаивая свои национальные интересы в регионе и на мировой арене, Россия предотвратила военный удар по Сирии в сентябре 2013 г., планировавшийся администрацией Б. Обамы из-за применения одной из конфликтующих сторон химического оружия. Отвергая возможность военного решения сирийского кризиса, Россия предложила инициативу, поддержанную президентом Асадом, по передаче химического оружия Сирии под международный контроль и его поэтапное уничтожение, что помогло временно стабилизировать ситуацию. Вероятно, это явилось первым случаем с момента распада СССР, когда Россия выступила против США на глобальном уровне как равноценный международный актер. Кроме того, российская сторона последовательно поддерживала политику «невмешательства» иностранных государств в вопросы сирийской внутренней политики, видя способы выхода из кризиса только в общесирийском диалоге. Однако, как известно, конфликт в Сирийской Республике развивался по иному сценарию. По мере усиления потенциала оппозиции за счет увеличения числа их союзников и, соответственно, эскалации конфликта, увеличивались и масштабы вмешательства международных акторов. Непосредственное участие в военных действиях принимают вооруженные силы России (введенные в рамках соглашения с президентом Асадом и способствовавшие разгрому наиболее крупных террористических группировок), США, Ирана и Турции. Материальная, финансовая и техническая поддержка сил оппозиции осуществляется со стороны Саудовской Аравии и других монархий Персидского залива, Иордании и Турции. Значительное влияние на сирийские события оказывают и сопредельные государства, такие как, в первую очередь, Израиль, Ирак и Ливан. В ходе активной фазы борьбы с террористической организацией «Исламское государство» (запрещенной на территории РФ), США и Саудовская Аравия создавали международные и региональные коалиции, что увели-

чивало число государств, так или иначе вовлеченных в сирийский конфликт, до нескольких десятков [Иванов, 2018, с. 16]. Столь масштабное иностранное участие в сирийском кризисе, где каждый из акторов, помимо императива борьбы с терроризмом, отстаивает собственные интересы, стремясь в то же время не допустить усиления влияния других участников на региональной арене, с одной стороны, препятствует мирному урегулированию конфликта, и с другой, влечет за собой формирование новых геополитических реалий на Ближнем Востоке.

Активное участие России в сирийском кризисе кардинально изменило ее статус, превратив в одного из основных, если не лидирующего, актора ближневосточной политической арены [Rogers, 2019]. Поддержка Москвы, оказанная президенту Б. аль-Асаду, позволила сохранить правящий режим в Сирии и не допустить захвата власти радикальными исламистскими группировками, что полностью соответствовало российским национальным интересам. Однако в то же время это привело к замораживанию начавших плодотворно развиваться взаимоотношений с Саудовской Аравией и другими государствами Персидского залива — членами организации ССАГПЗ, которая вместе с ЛАГ играет все возрастающую роль в региональной политике. Немалую роль в этом сыграло сотрудничество в рамках сирийского кризиса России с Ираном, главным антагонистом аравийских монархий и Израиля в регионе. Вместе с тем, несмотря на тактическую общность интересов с Тегераном, также поддерживающего режим Асада, в российско-иранских подходах существуют противоречия стратегического характера. «Так, Россия хочет видеть Сирию светским государством, в котором все конфессии и этнические группы будут равны. Иран же настроен на содействие сирийцам в формировании такой государственной структуры, которая сохранила бы преимущество алавитов (шиитского направления в исламе) и других религиозных меньшинств перед суннитским большинством. Это позволило бы ИРИ укрепить свои военно-политические позиции в Сирии и на всем Ближнем Востоке путем создания “шиитской дуги” от Ирана через Ирак, Сирию до Ливана» [Партнерство России и Ирана, 2017, с. 18]. На настоящий момент можно заметить также элементы соперничества России и Ирана (имеющего более значительное военное присутствие в зоне конфликта), за влияние в Сирии, перспективы которого во многом зависят от действий США по «ядерному досье» ИРИ. В случае расширения американских санкций, Иран, с одной стороны, будет экономически и политически ослаблен, что закрепит геополитическое преимущество России в регионе, с другой, будет вынужден идти на сближение с Москвой на антизападной основе. Это, в свою очередь, создаст серьезную внешнеполитическую дилемму для России, рискующей при развитии подобного сценария своими отношениями не только с арабскими странами, но и с поддерживающемся на высоком уровне сотрудничеством с Израилем, масштабы которого существенно возросли и диверсифицировались с начала сирийского кризиса.

Наиболее важными маркерами развития двусторонних отношений могут служить, во-первых, позиция Израиля по проблеме Украины, в соответствии с которой Тель-Авив воздержался от голосования в марте 2014 г. на Генеральной Ассамблее ООН по резолюции, осуждавшей воссоединение Крыма с Рос-

сией, а также не присоединился к режиму американских и европейских экономических санкций; во-вторых, позиция России, признавшей в апреле 2017 г. Западный Иерусалим в качестве столицы Израиля, хотя и с оговоркой, что Восточный Иерусалим станет столицей будущего Палестинского государства [Krasna, 2018, p. 14], и в-третьих, успешное преодоление кризиса, вызванного катастрофой с российским самолетом Ил-20 в сентябре 2018 г. Можно также отметить положительную динамику развития сотрудничества в экономической, энергетической, военной (в меньшей степени) и, в особенности, гуманитарной и туристической сферах. При этом, без сомнения, сохраняется круг политических вопросов, по которым российские и израильские позиции не совпадают. Это касается, в первую очередь, роли Ирана в сирийском кризисе; военного и ядерного сотрудничества Москвы с Тегераном, представляющего угрозу безопасности Израиля; лояльного отношения России, являющейся гарантом Совместного Всеобъемлющего Плана Действий (СВПД) по ядерной проблеме Ирана, к невыполнению Тегераном условий соглашения; а также перспектив восстановления палестино-израильского мирного процесса.

Крайне неровный характер носят взаимоотношения России с другим значимым региональным актором, Турцией, колеблясь от динамично развивающегося сотрудничества, в основном в области энергетики, до фактического замораживания контактов между сторонами. Несмотря на серьезные политические разногласия в начале 2010-х гг., обусловленные различными подходами к сирийскому конфликту и статусу Крыма, в 2014 г. масштабы сотрудничества существенно возросли, что непосредственно было связано с отказом руководства Москвы от строительства трубопровода «Южный поток» и замены его «Турецким потоком». Помимо политической значимости данного проекта, символизирующего напряженность в отношениях и России, и Турции с Европейским союзом, расширение существующей сети «Голубой поток» с газовым хабом на границе Греции и Турции для обеспечения поставок российского газа в государства Южной Европы должно было не только увеличить уровень экспортируемого сырья, но и в перспективе дать России возможность выхода на азиатские рынки. О развитии российско-турецких связей в области энергетики свидетельствовал также утвержденный проект по строительству государственной корпорацией «Росатом» атомной электростанции «Аккую» в г. Мерсин. Ниже же отметки взаимоотношения достигли в результате инцидента со сбитым российским бомбардировщиком Су-24 в ноябре 2015 г. Однако, с августа 2016 г. дипломатический конфликт был исчерпан, что привело к восстановлению политического диалога, улучшению экономических отношений и к началу реализации энергетических проектов, замороженных ранее. Несмотря на различающиеся подходы к стратегии мирного урегулирования в Сирии, касающиеся, например, курдского вопроса, и ряду других региональных проблем, развивающиеся связи с правительством Анкары, одного из наиболее влиятельных «центров силы» на Большом Ближнем Востоке, позволят укрепить позиции России в региональной системе международных отношений.

В контексте сохраняющейся острой конфликтности в отношениях между государствами, вовлеченными в сирийский конфликт, российскому руковод-

ству необходимо выработать взвешенный и прагматичный подход, который предполагает активное политическое маневрирование с опорой на нормы международного права. На данный момент Россия является единственным государством, сохраняющим возможности политического диалога фактически со всеми конкурирующими региональными игроками, и может использовать свое влияние, чтобы одновременно сдерживать Израиль и способствовать сглаживанию противоречий между арабскими странами, Ираном и Турцией для деэскалации сирийского кризиса и в процессе постконфликтного урегулирования.

Восстановив статус крупного международного актора в регионе Западной Азии, Россия в последние годы укрепляет свои позиции и в Северной Африке. После прихода к власти в Египте нового президента, фельдмаршала Абдель-Фаттаха ас-Сиси, провозгласившего себя преемником Г.А.Насера — традиционного союзника Москвы, новый импульс получили российско-египетские отношения. Это направление представляется особенно значимым в связи с тем, что на настоящий момент Каир является как важным игроком на ближневосточной арене, так и одним из ключевых государств Африканского союза, заняв место Ливии в качестве неформального лидера интеграционных процессов на африканском континенте. Таким образом, одной из стратегических задач российской внешней политики выступает не только экономическое и военно-техническое сотрудничество с АРЕ, но и политическое взаимодействие на региональном и международном уровнях. С этой целью в октябре 2018 г. между Россией и Египтом был подписан Договор о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, а в рамках саммита и Экономического форума «Россия-Африка», состоявшихся в Сочи в октябре 2019 г., лидеры Российской Федерации и АРЕ выступили в качестве сопредседателей.

В связи с новыми тенденциями на мировой политической и экономической арене стратегическое значение сотрудничества России со странами региона возрастает. Излишне напоминать о геополитической и геоэкономической важности Ближнего Востока, особенно в условиях, когда энергоресурсы выступают в качестве мощного политического инструмента. Россия и ближневосточные государства являются центральными игроками на мировом энергетическом рынке, так как на них приходится свыше двух третей всех разведанных нефтегазовых запасов, что обуславливает необходимость согласованной политики в энергетической сфере, реализация которой возможна лишь при долгосрочных и взаимовыгодных отношениях партнерства. Это требует разработки максимально многовекторного внешнеполитического курса, включающего, в том числе, монархии Персидского залива, отношения с которыми на данном этапе стагнируют. Принципиально и то, что в вопросах экономического сотрудничества с ближневосточным регионом Россия может выступать как развитое государство, экспортирующее товары средних и высоких технологий, в то время как в отношениях с западными странами Россия по большей части воспринимается в качестве «сырьевого придатка». Кроме того, страны Ближнего Востока являются крупнейшими импортерами вооружений в мире, а российский военно-промышленный комплекс по-прежнему остается наиболее высоко-

технологичным сектором экономики, нуждающимся в крупных и долгосрочных инвестициях. Для России — страны с многомиллионным мусульманским населением — сотрудничество или конфронтация с миром ислама может иметь не менее важные стратегические последствия, чем характер взаимоотношений с западными странами и Китаем.

Литература

Абальян А. И. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в ходе «Арабской весны» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки / под ред. Н. Н. Дьякова, А. С. Матвеева. Т. 1. СПб.: НП-Принт, 2019. С. 484–486.

Бдоян Д. Г. Периоды трансформаций в российско-турецких отношениях // Вестник МГИМО. 2017. 4 (55). С. 165–182.

Белокреницкий В. Я. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: ИВ РАН, 2010. 320 с.

Иванов С. М. Роль и значение внешних сил в сирийском кризисе. // Дипломатическая служба. 2018. № 4. С. 16. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2018/DipSluzhba042018_Ivanov.pdf (дата обращения: 10.08.2019).

Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. Доклад No 29/2017 [гл. ред. И. С. Иванов]. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 184 с. С. 18. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/russia-iran-partnership-an-overview-and-prospects-for-the-fu/> (дата обращения: 12.07.2019).

Поляков К. И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: ЛЕНАНД, 2014. 157 с.

Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века) М.: Российская газета, 2006. 384 с.

Примаков Е. М. «Арабская весна» // Безопасность Евразии. 2011. № 2.

Сапронова М. А. Российско-арабское сотрудничество до и после «арабской весны» // Вестник МГИМО. Международные отношения. М., 2014.

Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности / под ред. И. С. Иванова. М.: РСМД Спецкнига, 2014. 72 с.

Фазельянов Э. Диалог цивилизаций. Россия и мусульманский мир. М.: Международные отношения, 2013. 360 с.

Эпштейн А. Д., Кожеуров А. С. Россия и Израиль: трудный путь навстречу. М.: Мосты культуры, 2011. 218 с.

Krasna J. Moscow on the Mediterranean: Russia and Israel's Relationship. Foreign Policy Research Institute, 2018. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/06/krasna2018.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).

Milton-Edwards B. Contemporary Politics in the Middle East. 3rd ed. Cambridge: Polity Press, 2011. 340 p.

Rogers J. Russia And Syria: Policies, Problems, Perspectives. // Forbes. Jan 11, 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/jamesrodgerseurope/2019/01/11/russia-and-syria-prospects-and-prizes/6e7edbc66852> (дата обращения: 10.08.2019).

Абальян Анна Игоревна — канд. полит. наук, доц.; anna_abalyan@yahoo.com

Статья поступила в редакцию: 1 октября 2019 г.;

рекомендована в печать: 17 апреля 2020 г.

Для цитирования: *Абальян А. И.* Ближневосточная политика Российской Федерации в постсоветский период: динамика развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 2. С. 263–281. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.205>

MIDDLE EASTERN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE POST-SOVIET PERIOD: DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Anna I. Abalian

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
anna_abalyan@yahoo.com

The article is an overview of the main directions of the policy of the Russian Federation in the Middle East from 1991 to the present. Certain stages are identified when the transformation of the paradigm of the Middle East foreign policy and, accordingly, the change in the role of Russia in the regional arena took place. Various domestic and foreign policy factors are considered, which caused the loss of Russia's influence in the countries of the region in the 1990s and early 2000s, but with the change in geopolitical realities, they lost their significance. This made it possible from the mid-2000s to begin the process of restoring ties with traditional Middle Eastern partners, simultaneously with the development of new areas of cooperation, in particular, with Israel and the monarchies of the Persian Gulf. The article also identifies strategic priorities that affect the nature of relations between Russia and such key countries of the region as Iran and Turkey as well as determine the dynamics of their development. Particular attention is paid to the comparative analysis and assessment of the geopolitical consequences of the policy of "active neutrality" in the early stages of the "Arab Spring", which led to the weakening of bilateral relations with the countries of the Middle East and North Africa in addition to Russian positions in the region as a whole, and Russia's armed intervention strategy within the current Syrian crisis. In conclusion, the author argues that there is a need for further development and diversification of contacts with the countries of the Middle East region in the formation of Russian foreign policy taking into account new trends in the world political and economic arena.

Keywords: Russia, the Middle East, *the Arab spring*, the Syrian crisis, Iran's nuclear issue, Turkey, Israel.

References

- Abalian A. I. *Foreign policy of Russia in the Middle East during the "Arab Spring"*. XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa. Eds N. N. Dyakov, A. S. Matveev, vol. 1. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 484–486. (In Russian)
- Bdoyan D. G. Periods of transformation in Russian-Turkish relations. *Vestnik MGIMO*, 2017, 4 (55), pp. 165–182. (In Russian)
- Belokrenitsky V. Ya. *East in world political processes. Asia and Africa in the history of international relations and modern world politics*. Moscow, IV RAS Publ., 2010, 320 p. (In Russian)
- Epstein A. D., Kozheurov A. S. *Russia and Israel: the hard way to meet*. Moscow, Mosty kul'turi Publ., 2011, 218 p. (In Russian)
- Fazelyanov E. *Dialogue of civilizations. Russia and the Muslim world*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2013, 360 p. (In Russian)
- Ivanov S. M. The role and importance of external forces in the Syrian crisis. *Diplomatic service*, 2018, no. 4, p. 16. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2018/DipSluzh-ba042018_ivanov.pdf (accessed: 08.08.2019). (In Russian)
- Krasna J. *Moscow on the Mediterranean: Russia and Israel's Relationship*. Foreign Policy Research Institute, 2018. Available at: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/06/krasna2018.pdf> (accessed: 03.08.2019).
- Milton-Edwards B. *Contemporary Politics in the Middle East*. 3rd ed. Cambridge, Polity Press, 2011. 340 p.

Modern Russian-Iranian relations: challenges and opportunities. Ed. I. S. Ivanov. Moscow, RSMD Special Book Publ., 2014, 72 p. (In Russian)

Partnership between Russia and Iran: current status and development prospects. Report No. 29/2017 [Ch. ed. I. S. Ivanov]; Russian Council on International Affairs (INF). Moscow: NP RSMD Publ., 2017. 184 p. Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/russia-iran-partnership-an-overview-and-prospects-for-the-fu/> (accessed: 12.07.2019). (In Russian)

Polyakov K. I. *Arab East and Russia: the problem of Islamic fundamentalism*. Moscow: LENAND Publ., 2014, 157 p. (In Russian)

Primakov E. M. "Arab Spring". *Bezopasnost' Evrasii*, 2011, no. 2. (In Russian)

Primakov E. M. *Confidentially. The Middle East on the stage and behind the curtains (second half of the 20th — early 21st centuries)*. Moscow, Rossiyskaia Gazeta Publ., 2006, 384 p. (In Russian)

Rogers J. Russia And Syria: Policies, Problems, Perspectives. *Forbes*, Jan 11, 2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jamesrodgerseurope/2019/01/11/russia-and-syria-prospects-and-prizes/#6e7edbc66852> (accessed 10.08.2019).

Sapronova M. A. Russian-Arab cooperation before and after the "Arab Spring". *Vestnik MGIMO*. Moscow, International relationships Publ., 2014. (In Russian)

Received: October 01, 2019

Accepted: April 17, 2020

For citation: Abalian A. I. Middle Eastern policy of the Russian Federation in the post-soviet period: Dynamics of development. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 263–281. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.205> (In Russian)